

Д.А. МАЛЬЦЕВА, Л.А. КИСЕЛЕВА
(Уфа)

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ДОМИНАНТ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ ГАЗЕТНЫХ СМИ

Определяются закономерности языкового ранжирования эмоциональных переживаний в современных газетных текстах, а также анализируется образная символика, лежащая в основе значения эмотивных фразеологизмов. Выявлено, что их внутренняя форма отражает процесс символизации основных составляющих физического облика человека. Приводимая таблица частотности употребления эмотивов в газетных текстах свидетельствует о незначительном преобладании языковых единиц, обозначающих положительные эмоции.

Ключевые слова: *эмоции, психологические доминанты, эмотивность, язык СМИ, соматический код.*

Неослабевающий интерес представителей разных областей знания к проблеме эмоций вполне объясним: эмоциональные переживания пронизывают жизнь современного человека, придавая событиям, явлениям и предметам окружающей среды определенный оттенок и значение. Несмотря на наличие большого числа работ, посвященных проблеме языковой эмотивности, отдельные ее аспекты требуют более глубокого исследования с привлечением сведений не только из различных областей лингвистики (эмотиологии, прагмалингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, лингвоэкологии и т. д.), но и смежных сфер знания (психологии, психофизиологии и др.). Так, довольно актуальным представляется изучение закономерностей языковой репрезентации эмоциональных явлений в текстах СМИ, которые быстро реагируют на происходящие в обществе актуальные события и процессы, отражая их в особой информационной плоскости [6, с. 28]. Данная работа посвящена анализу особенностей языкового отражения доминирующих эмоций, характерных для современной русской лингвокультуры, в текстах печатных СМИ. Материалом для исследования послужили газеты «Комсомольская правда» и «Московский комсомолец» за

2017 г.^{*}, из которых посредством сплошной выборки были выявлены контексты, содержащие эмотивы (всего нами проанализировано более 250 примеров). При этом под эмотивами мы имеем в виду языковые единицы, непосредственно обозначающие эмоции (ср.: *радостный, грустный, пылать от гнева, поbledнеть от страха* и под.), а не эмоционально окрашенные слова: ласкательные, шуточные или, наоборот, пренебрежительные, уничижительные и т. д. [16, с. 235]. Основным методом исследования является контекстуальный анализ, позволяющий определить наиболее значимые параметры языковой репрезентации эмоций.

Обращение к газетному материалу является не случайным: вполне очевидно, что с опорой лишь на него невозможно в полном объеме воссоздать картину эмоциональной жизни носителя современной лингвокультуры, однако именно язык медиа, представляя собой наиболее динамичную подсистему национального языка, очень своеобразно «преломляет» характерное для последних десятилетий изменение психологических доминант общества; более того, в его рамках создаются и тиражируются определенные образцы и «антиобразцы» эмотивного речевого поведения. Данный факт объясняется тем, что эмотивность является важнейшим аспектом любого текста СМИ, реализация которого способствует более интенсивному воздействию на аудиторию: «Открытое, прямое выражение личностных эмоций, столь характерное для современных медиатекстов, предполагает активную эксплуатацию, иногда даже своеобразное “нагнетание” эмотивных единиц и средств, которыми в большей мере обладает русский язык. Несомненным является и то, что конечной целью акцентирования эмоционального начала в текстах СМИ выступает психологическое воздействие на реципиента, в том числе создание эмоционального резонанса, эмоциональное “заражение” и т. д.» [10, с. 143]. Если иметь в виду современные российские СМИ, то их эмотивная тональность является неоднозначной, однако исследователи отмечают одну весьма характерную тенденцию: «В текстах современных СМИ, призванных выражать и формировать общественное сознание, безраздельно

^{*} Ниже после примеров, приведенных из названных газет за 2017 г., указываются номер и страница в круглых скобках.

доминируют слова и выражения, обозначающие отрицательные оценочные понятия, порожденные нашим временем. <...> Негативно заряженные слова образуют безрадостные и агрессивные тексты, так формируется информационная среда современного человека, информационно-языковое пространство его жизни» [17, с. 123].

Можно полагать, что в анализируемых газетных текстах происходит своеобразное языковое ранжирование эмоций: наиболее частотные эмотивы служат «индикаторами» эмоциональных доминант, определяющих психологическую атмосферу в современном российском обществе. Прежде чем привести языковые факты, подтверждающие это мнение, нужно сделать ряд важных замечаний.

Во-первых, при анализе эмотивного фонда, представленного в газетных текстах, нужно принять во внимание классификацию эмоций, разрабатываемую в рамках психологии, в том числе выделение среди них базовых (основных, фундаментальных, первичных). В качестве критериев их определения, как правило, выступают универсальные признаки последних. Так, Т.Д. Кемпер полагает, что первичные эмоции могут быть выделены с учетом нескольких характеристик: 1) их можно наблюдать (или выводить из имеющихся наблюдений) у многих животных; 2) их можно обнаружить во всех без исключения культурах; 3) они появляются на ранней стадии развития личности; 4) с каждой из них связана особая самостоятельная схема физиологических изменений [19, с. 267]. Несколько иные критерии выделения базисных эмоций предлагает К. Изард: 1) они имеют отчетливые и специфические нервные субстраты; 2) проявляют себя при помощи выразительной и специфической конфигурации мышечных движений лица (мимики); 3) возникли в результате эволюционно-биологических процессов; 4) влекут за собой отчетливые и специфические переживания, которые осознаются человеком; 5) оказывают организующее и мотивирующее влияние на человека, служат его адаптации [8, с. 63–64]. Вместе с тем, несмотря на разногласия в определении критериев дифференциации основных эмоций, большинство психологов подчеркивают возможность выделения последних. На наш взгляд, для целей данной работы наиболее приемлемой является широко известная классификация базовых эмоций, предложенная К. Изардом, который относит к ним интерес, радость, удив-

ление, печаль, гнев, отвращение, презрение и страх [8, с. 64].

Во-вторых, для глубокого осмысления закономерностей языкового отражения эмоций необходимо принять во внимание особенности этнопсихологии, национального характера, национально-культурной специфики [12, с. 212], т. к. в рамках разных лингвокультур эмоции выражаются по-разному. Вполне очевидно, что эмоции имеют культурную обусловленность, они «навязываются» языковому коллективу различными когнитивными сценариями [4, с. 118]. По мнению А. Вежбицкой, в рамках русской культуры вербальное выражение эмоций относится к одной из основных функций речи, при этом в русском языке имеется исключительно широкий репертуар лексических и грамматических средств для разграничения эмоций и придания особой окраски межличностным отношениям. В доказательство высокой степени эмоциональности русского языка приводится такой факт, как наличие в нем богатого набора «активных» эмоциональных глаголов (*тосковать, грустить, огорчаться, хандрить, ужасаться, стыдиться, любоваться, негодовать, томиться* и т. д.) [Там же, с. 235]. Языковая модель эмоциональной деятельности представителя русской лингвокультуры такова, что в ней основное место занимает лексическая репрезентация наблюдаемых внутренних состояний, не проявляемых в мимике, жестах, поведении и т. д. (80% эмотивного лексикона – глаголы эмоционального состояния, отношения, становления эмоционального состояния) [2, с. 27]. Если иметь в виду особенности языковой репрезентации эмоций в современных текстах СМИ, то можно отметить ряд характерных тенденций.

1. Примечательно то, что в анализируемых текстах достаточно часто транслируются интенсивные эмоциональные переживания, причем как положительные, так и отрицательные, что выражается путем использования соответствующих эмотивов в определенном контекстуальном окружении: *Хочется плакать от радости и гордости за сына. Очень щемящее чувство* (Комс. правда. № 41. С. 24); *От удивления у него даже трубка выпала из рук* (Комс. правда. № 45. С. 14); *Гнев царя был настолько силен, что все тридцать девушек были побиты камнями* (Комс. правда. № 47. С. 27); *Но это безумно интересно!* (Моск. комсомолец. № 41. С. 22); *Счастливей меня и еще моих 14 друзей не было на этом свете, наверное, никого* (Моск. комсомолец. № 42. С. 4); *Эта история мне запала в душу и не давала успо-*

коиться (Моск. комсомолец. № 43. С. 17) и др. При этом, судя по газетному материалу, эмоции не всегда поддаются рациональному контролю: *Этот клиент вывел меня из себя, и я не смогла сдержаться* (Комс. правда. № 41. С. 32); *Мятущаяся душа художника не могла успокоиться* (Моск. комсомолец. № 42. С. 24) и т. п. (подробнее о неконтролируемости проявления эмоций носителями русской лингвокультуры см.: [5]).

2. Следует учитывать и такую особенность русской лингвокультуры, как традиция открыто выражать свои эмоции. Это отмечает, в частности, А. Вежбицкая: в русской культуре хорошо, когда другие знают, что ты чувствуешь [3, с. 254]. На уровне лексической системы об открытости проявления эмоций свидетельствует тот факт, что в других языках мира отсутствует слово, аналогичное русскому *хохотать* (есть только в португальском), которое означает «смеяться самозабвенно, не сдерживаясь, в свое удовольствие» [Там же, с. 27]. Именно вследствие этнокультурного своеобразия семантики данного глагола его невозможно адекватно перевести на другие языки. Примечательно, что газетный материал демонстрирует высокую частотность употребления данной единицы и ее производных: *Уилл снова расхохотался после услышанного* (Комс. правда. № 47. С. 43); *Снимков с хохочущими озорниками на нашем сайте оказалось очень много* (Комс. правда. № 45. С. 45); *Они хохотали так заразительно и звонко, что заставили всех обернуться* (Комс. правда. № 47. С. 27) и др. Интересные языковые аргументы в защиту указанного выше тезиса приводит Т.В. Ларина, которая следующим образом формулирует результаты сопоставительного анализа особенностей выражения эмоций в рамках английской и русской культур: «Для русской коммуникативной традиции, в которой стратегии позитивной вежливости менее типичны, <...> в большей степени характерна эмоциональность, русские более открыто проявляют испытываемые ими эмоции, но отрицательно относятся к демонстративной вежливости, часто расцениваемой ими как неискренность» [14, с. 153].

3. Как верно отмечает Н.Д. Арутюнова, «говоря о преходящих внутренних состояниях, люди склонны экстерниоризировать составляющие психики (чувства, страсти, желания и др.), представляя их не только как нечто отдельное от нас, но и как нечто, вступающее с нашим “я” в определенные, дружеские

или враждебные, отношения, как нечто, помогающее нам или вредящее. Известно, например, сколь не ладят между собой рассудок и сердце, совесть и желания, как стремится разум победить эмоции» [1, с. 386]. Эти представления о противоречивости внутренней жизни человека довольно своеобразно отражаются в современных печатных СМИ: *Умом я понимаю, что надо простить, но сердцу не прикажешь* (Моск. комсомолец. № 41. С. 11); *Мне тяжело вспоминать тот день, не понимаю, что на меня нашло, я был вне себя от ярости* (Моск. комсомолец. № 42. С. 19) и др.

В ходе анализа эмотивов, представленных в газетных СМИ, с точки зрения отражения ими психологических доминант современного социума мы выяснили, что наибольшие количественные показатели характерны для микрополей *радости, любви, печали, страха, гнева, страдания* и др., т. е. базовых эмоций, формирующих ядро чувственной сферы и, следовательно, определяющих общую эмоциональную направленность личности, которая во многом обуславливает стереотипы эмоционального реагирования (подробнее см.: [7]). В данной работе мы хотели бы сосредоточить свое внимание на анализе лишь некоторых указанных микрополей, в частности тех, которые наиболее широко и разнообразно представлены в газетных текстах. Так, одним из типичных внутренних состояний современного человека является стресс как следствие высокого темпа жизни и порождаемых им колоссальных физических и психологических нагрузок. Состояние стресса обуславливает возникновение таких эмоций, как *страх, тревога, напряжение, депрессия* и т. д., представления о которых находят яркое отражение в анализируемых текстах СМИ: *Психически нестабильные люди являются тревожными и часто впадают в депрессию* (Комс. правда. 2017. № 40. С. 45); *Во время четырехчасового перелета до Салала четверо детей потрепали мне нервы* (Комс. правда. № 41. С. 19); *Впал в депрессию, и тут позвонил Дима и попросил сделать для него песню* (Моск. комсомолец. № 42. С. 11); *Чувство тревоги не покидает меня всякий раз, когда сажусь за руль* (Моск. комсомолец. № 43. С. 19) и т. д. Показателен и такой факт: в рассматриваемых газетных СМИ эмотивы довольно часто используются для описания состояния стресса, в котором находятся дети: *После чего у ребенка случился нервный срыв* (Моск. комсомолец. № 43. С. 6); *Для школьника истерика – способ выразить не-*

довольство (Комс. правда. № 41. С. 46); *Дети часто рыдают из-за нехватки родительской заботы, криком они привлекают внимание к себе* (Моск. комсомолец. № 42. С. 47); *После пережитого стресса мальчик вновь прибывает к нам на реабилитацию* (Моск. комсомолец. № 43. С. 6) и др.

Еще одна эмоциональная доминанта, которая репрезентируется в газетных текстах посредством широкого набора языковых единиц, – чувство любви. Любовь – одна из главных общечеловеческих ценностей. Газетный материал отражает представления о способности носителей современной лингвокультуры любить самозабвенно, страстно, пылко, отдавая всего себя без остатка: *За тем, кого любишь, хоть на край света* (Комс. правда. № 40. С. 18); *В нем и лед, и вода, и пламень, а главное – любовь* (Комс. правда. № 41. С. 3); *Иначе любовный угар всегда мешает трезво оценить избранника* (Комс. правда. № 43. С. 31); *В нашем романе было много любви, страсти, разочарования* (Комс. правда. № 47. С. 32); *Не зря наши деды и бабушки спали отдельно – они сохраняли любовный трепет* (Моск. комсомолец. № 42. С. 56) и т. д. Кроме того, газетные тексты демонстрируют высокую значимость слов *любовь* и *любить* в рамках русской лингвокультуры: *Я думаю, что главное – любить человека, и все будет так, как надо* (Моск. комсомолец. № 43. С. 19); *Люди созданы для того, чтобы их любили, а вещи для того, чтобы ими пользовались* (Комс. правда. № 47. С. 25); *Только любовью можно что-то исправить, больше ничем* (Комс. правда. № 47. С. 26) и др. Наблюдения ученых показывают, что русский национальный характер сложен, противоречив, а разум зачастую иррационален, и русский язык отражает этот неоднозначный образ человека [15, с. 55]. Указанные представления, в том числе связанные с переживанием любви как важнейшего общечеловеческого чувства, а также его антипода – ненависти, своеобразно отражаются в языке газетных СМИ: *Мальвина любила Пьеро, а вышла замуж за Иванушку* (Комс. правда. № 40. С. 5); *Сестра меня недолюбливала, но, когда повзрослели, стали не разлей вода* (Комс. правда. № 41. С. 10); *Я люто ненавидела своего начальника, но не подавала виду* (Комс. правда. № 45. С. 13).

Большую роль в языковой интерпретации эмоциональных доминант, характерных для современной русской лингвокультуры, играют лексемы и фразеологизмы, в основе образ-

ной семантики которых лежит соматический код. Как справедливо отмечает Дж. Лакофф, «структуры, образующие нашу концептуальную систему, имеют своим источником наш чувственный опыт и осмысляются в его терминах, более того, ядро нашей концептуальной системы непосредственно основывается на восприятии, движениях тела и опыте физического и социального характера» [13, с. 13]. Именно этим объясняется наличие значительного числа эмотивов, которые в образной форме указывают на явления физического мира. Можно полагать, что русская языковая картина мира отличается своеобразной «интроспективностью», доказательством чего служит тот факт, что модель семантического перехода «физический процесс → эмоциональная сфера» является одной из наиболее регулярных и продуктивных в русском языке [11, с. 112]. Это же подтверждают рассмотренные нами примеры. Так, в газетных текстах значительную долю лексико-фразеологических эмотивов составляют языковые единицы, отражающие психофизиологические изменения в теле человека (*остолбенеть, сердце остановилось, кровь закипела, бросило в пот* и т. п.): *Раньше отправляешь письмо и с замиранием сердца ждешь ответа* (Комс. правда. № 42. С. 28); *До мурашек красивые закаты запали в душу каждого* (Комс. правда. № 43. С. 4); *Кровь закипела от гнева, я не мог себя остановить, поэтому все и случилось* (Моск. комсомолец. № 41. С. 34); *Когда я впервые услышал об этом, душа в пятки ушла* (Моск. комсомолец. № 42. С. 42) и т. д. Среди эмотивов, представленных в рассматриваемых газетных текстах, особо выделяются те, которые так или иначе связаны с описанием функционирования организма. В ходе анализа было выявлено, что данные единицы можно разделить на две группы (подробнее см.: [18, с. 243]). К первой относятся устойчивые сочетания, компоненты которых (соматизмы) прямо называют те или иные внешние части тела (ср.: *рот до ушей, руки опустились* и др.): *Тогда у меня был понастоящему сложный период в жизни, руки опускались, ничего не хотелось делать* (Комс. правда. № 41. С. 12); *Волосы встают дыбом при мысли о том, что с Катей могло произойти что-то плохое* (Комс. правда. № 43. С. 25) и т. д. Во вторую группу входят слова и словосочетания, которые обозначают внутренние органы, особенности функционирования организма, разного рода физиологическую симптоматику и т. д. (*трясти, потерять*

дар речи, сердце колотится, трепать нервы и др.): Мне кажется, за три года проходит **бешенная страсть**, когда тебя **трясет** только от присутствия этого человека (Комс. правда. № 45. С. 11); При встрече с любимым **сердце по-прежнему трепещет и колотится, ноги становятся ватными** (Комс. правда. № 47. С. 13) и др.

В ходе классификации указанных эмоций было установлено, что в основе внутренней формы этих единиц лежит символизация таких составляющих физического облика человека, как:

1) части тела (*голова, руки, ноги, грудь, плечи, спина, шея* и т. д.): Месси был **тронут и потрепан** поклонника **по голове** (Моск. комсомолец. № 41. С. 29); Но не спешите разочарованно **пожимать плечами** (Комс. правда. № 45. С. 27); Даже если кажется, что **сил терпеть нет, надо взять себя в руки** (Комс. правда. № 43. С. 64); В русских сказках царевны возлюбленных **за руки держали, в глаза смотрели, ласковыми именами называли** (Моск. комсомолец. № 43. С. 41);

2) части лица (*глаза, лоб, уши, щеки* и т. п.): Когда я увидела точно такое же платье, как у меня, у меня **глаза на лоб полезли** (Моск. комсомолец. № 42. С. 26);

3) сердце как символическое средоточие эмоциональных переживаний: Случившееся **привнесло спокойствие в мое сердце** (Комс. правда. № 40. С. 16); **Сердце разрывается от любви** (Комс. правда. № 41. С. 18); Ваши **советы принимают близко к сердцу** и женщины, у которых все в порядке: **крепкий брак, работающий муж** (Комс. правда. № 42. С. 24);

4) жидкие субстанции (*кровь, желчь, слезы, слюна* и т. д.): Одним из трогательных моментов свадьбы стал **тост папы, после которого женская часть присутствующих прослезилась** (Комс. правда. № 43. С. 5); Чувствуется, что все **объявления писались, как армейский устав, если не кровью, то слезами** и горьким опытом (Моск. комсомолец. № 41. С. 6);

5) температурные изменения: Олег **сжался и похолодел от ярости** при виде противника (Комс. правда. № 41. С. 17); Под конец вечера

Семен так **разгорячился**, что сам начал драку (Комс. правда. № 42. С. 19);

6) окраска кожных покровов: Вадим **побледнел от страха**, когда принесли анализы теста на отцовство (Комс. правда. № 40. С. 6); Я вся **раскраснелась от волнения** и решила тогда пригласить моего будущего мужа на танец (Комс. правда. № 45. С. 17); В тот момент Родион **позеленел от злости** и даже попытался меня ударить (Комс. правда. № 47. С. 8);

7) интенсивное функционирование органических систем и последующее прекращение их деятельности: Мы **потеряли дар речи**, когда увидели Максима на сцене (Моск. комсомолец. № 42. С. 28).

Как показывают наблюдения, языковая репрезентация эмоций осуществляется путем разного моделирования целого ряда понятийных сфер, которые соотносятся с соответствующими кодами культуры: зооморфным, антропоморфным и т. д. Образная семантика указанных фразеологизмов основана на ассоциации эмоций и различных характеристик «внешнего» человека (*опустить голову, пожимать плечами, сердце кровью обливается* и др.). Это не случайно, поскольку фразеологизмы являются древнейшим пластом лексики, в котором нашел наиболее яркое отражение соматический код. Человек начал постигать мир с познания самого себя, отсюда вывод: личность соизмерима с миром, а весь язык насквозь антропоцентричен [15, с. 12].

В результате проведенного исследования мы составили таблицу частотности использования обозначений позитивных и негативных эмоций в текстах газетных СМИ (см. ниже).

Таблица частотности показывает, что в газетных СМИ незначительно преобладают эмоции, обозначающие положительные эмоции (*целящий восторг, прыгать от счастья, улыбка до ушей* и др.). Однако негативные эмоции также отражаются достаточно ярко (*вешать нос, опустить руки, сердце разрывается от боли* и др.), причем обозначаются они в отличие от положительных гораздо более конкретно и разнообразно.

Частотность употребления обозначений базовых эмоций в газетных СМИ

Язык	Частотность эмоций					
	Негативные эмоции			Позитивные эмоции		
Русский	Страх	Гнев	Печаль	Радость	Любовь	Интерес
		32	48	41	44	53

Нами выявлено также, что эмотивы наиболее активно используются в газетных текстах, относящихся к жанру интервью. Этот факт нельзя назвать случайным, ведь данный жанр предполагает открытый обмен не только мыслями, но и эмоциями между журналистом и интервьюируемым. Подчеркнем также, что многие рассмотренные эмотивы реализуют принцип антропоцентричности, при этом наиболее продуктивным оказывается метонимический принцип языкового выражения эмоций, в соответствии с которым части тела человека воспринимаются как репрезентанты его самого (подробнее см.: [9]).

Можно полагать, что газетные тексты в языковой форме отражают высокую степень эмоционального реагирования носителей современной лингвокультуры на окружающие предметы, события и т. д., что подтверждает существующие общие представления об эмоциональности как важнейшем параметре коммуникативного поведения.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Яз. рус. культуры, 1999.
2. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Свердл. ун-та, 1989.
3. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. Языки славянской культуры. М.: Яз. слав. культуры, 2001.
4. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Рус. словари, 1997.
5. Гладкова А.Н. Русская культурная семантика: эмоции, ценности, жизненные установки. М.: Яз. слав. культуры, 2010.
6. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Флинта, 2008.
7. Додонов Б.И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978.
8. Изард К. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2003.
9. Калимуллина Л.А., Васильев Л.М. Роль метонимических процессов в семантической динамике словаря // Вестн. Башкир. ун-та. 2014. Т. 19. № 3. С. 903–907.
10. Камалетдинова Г.Х., Киселева Л.А. Эмотивная составляющая современного медийного текста (на материале региональной газетной прессы) // Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 35-летию каф. иностранных языков гуманит. фак-в. Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. С. 143–150.
11. Киселева Л.А., Тодосиенко З.В. Метафорическая интерпретация эмоций в разнотипных языках (на материале глагольных предикатов физического процесса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2017. № 10(76). Ч. 3. С. 110–113.
12. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Гнозис, 2008.
13. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Яз. слав. культуры, 2004.
14. Ларина Т.В. Прагматика эмоций в межкультурном контексте // Вестн. РУДН. Сер.: Лингвистика. 2015. № 1. С. 144–163.
15. Маслова В.А. Национальный характер сквозь призму языка. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2011.
16. Чернец О.Я. Проблемы эмотивности и коннотации // Некоторые вопросы общего и частного языкознания: межвуз. сб. науч. тр. Пензенск.: ПГЛУ, 2001. С. 233–241.
17. Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград: Изд-во «ИП Поликарпов И.Л.», 2016.
18. Щербаков К.Ю. Вербализация эмоций во фразеологии современного английского языка // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2012. № 4(52). Т. 4. С. 240–244.
19. Kemper T.D. How Many Emotions are there. Wedding the Social and the Autonomic Components // American Journal of Sociology. 1987. № 93. P. 263–289.

* * *

10. Kamaletdinova G.H., Kiseleva L.A. Jemotivnaja sostavljajushhaja sovremennogo medijnogo teksta (na materiale regional'noj gazetnoj pressy) // Aktual'nye problemy teoreticheskoj i prikladnoj filologii: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvjashh. 35-letiju kaf. inostrannyh jazykov gumanit. fak-v. Ufa: RIC BashGU, 2017. S. 143–150.

11. Kiseleva L.A., Todosienko Z.V. Metaforicheskaia interpretacija jemocij v raznostrukturnyh jazykah (na materiale glagol'nyh predikativ fizicheskogo processa) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov. 2017. № 10(76). Ch. 3. S. 110–113.

12. Krasavskij N.A. Jemocional'nye koncepty v nemeckoj i russkoj lingvokul'turah. M.: Gnozis, 2008.

13. Lakoff Dzh. Zhenshhiny, ogon' i opasnye veshhi: Chto kategorii jazyka govoryat nam o myshlenii. M.: Jaz. slav. kul'tury, 2004.

14. Larina T.V. Pragmatika jemocij v mezhdul'turnom kontekste // Vestn. RUDN. Ser.: Lingvistika. 2015. № 1. S. 144–163.

15. Maslova V.A. Nacional'nyj harakter skvoz' prizmu jazyka. Vitebsk: VGU im. P.M. Masherova, 2011.

16. Chernec O.Ja. Problemy jemotivnosti i konnotacii // Nekotorye voprosy obshhego i chastnogo jazykoznanija: mezhvuz. sb. nauch. tr. Pjatigorsk: PGLU, 2001. S. 233–241.

17. Shahovskij V.I. Dissonans jekologichnosti v kommunikativnom krugu: chelovek, jazyk, jemocii. Volgograd: Izd-vo «IP Polikarpov I.L.», 2016.

18. Shherbakov K.Ju. Verbalizacija jemocij vo frazeologii sovremennogo anglijskogo jazyka // Vestn. Kemer. gos. un-ta. 2012. № 4(52). T. 4. S. 240–244.

Linguistic representation of emotional dominants of linguistic culture in modern newspapers

The article deals with the regularities of linguistic ranking of emotional experiences in modern newspaper texts, presents the analysis of the figurative symbolism underlying the meaning of emotive phraseological units. It is revealed that their inner form reflects the process of symbolization of the main components of human physical appearance. The table of frequency of emotive use in newspaper texts proves some prevalence of the language units denoting positive emotions.

Key words: *emotions, psychological dominants, emotiveness, mass media language, somatic code.*

(Статья поступила в редакцию 21.02.2018)

М.В. КАЛИНИНА
(Волгоград)

ЖАРГОНИЗМЫ, ПРОСТОРЕЧИЕ И ЯЗЫКОВАЯ АГРЕССИЯ В ТЕЛЕВИЗИОННЫХ СМИ

Представлены результаты девятимесячных наблюдений за языком телевизионных СМИ. В телеречи были выявлены проблемные области, связанные с жаргонизацией и криминализацией языка, употреблением грубых просторечных слов и выражений, распространением языковой агрессии. Сделаны выводы о том, что опасность употребления нелитературной лексики, проявление речевого насилия в СМИ не только негативно влияет на отдельного человека, но и отрицательно воздействует на картину мира всего общества, для которого жестокость начинает восприниматься как норма.

Ключевые слова: *язык СМИ, телеречь, жаргонизмы, просторечие, языковая агрессия.*

СМИ быстрее всего отражают изменения, происходящие в языке и речи. Они оказывают решающее влияние на формирование не только мировоззрения, взглядов, представлений, но и норм речевого поведения, культуры общения [4, с. 304]. Поэтому внимание к телевизионным СМИ вполне закономерно и связано с необходимостью исследования того, каким образом телевидение воздействует на литературную норму, приспособлявая ее под собственные нужды.

Девятимесячный мониторинг телевизионных программ («Вести», «Вечерние новости», «60 минут», «Время покажет», «Место встречи», «На самом деле», «Особое мнение», «Первая студия», «Парламентский час», «Право голоса», «Процесс», «Прямой эфир», «Пусть говорят», «Мужское и женское», «Сегодня») выявил в современной устной телеречи проблемные области, связанные с жаргонизацией и криминализацией языка, употреблением грубых просторечных слов и выражений, распространением языковой агрессии и языкового манипулирования. Причины этого многие лингвисты связывают с так называемой демократизацией языка СМИ, стремлением быть ближе к народу, иметь возможность максимально свободно самовыражаться.

Отметим, что в СМИ стали чаще употребляться слова и выражения, присущие разго-